

**«МЕДАЛЬОНЫ» ЗОФЬИ НАЛКОВСКОЙ КАК
ТРАГИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ****Зофья Налковскаянын «Медальондору» замандын трагедиялык
документи катары****Zofya Nalkovskaya's "Medallions" as tragic document of the epoch**

Аннотация: В статье рассматривается цикл очерков известной польской писательницы З. Налковской. Опираясь на свидетельства очевидцев, прямых и косвенных участников трагических событий, связанных преимущественно с реалиями жизни в фашистских концентрационных лагерях, писатель-гуманист размышляет над гранью человечности и бесчеловечности в экстремальных условиях войны. З. Налковская талантливо сочетает в цикле очерков документализм с художественностью изложения и высотой гуманного звучания. Анализ сюжетно-композиционной структуры, системы образов, идейного содержания цикла очерков позволяет сделать вывод о безусловной исторической и нравственно-эстетической ценности этого памятника эпохи второй мировой войны. Цикл очерков З. Налковской «Медальоны» отмечен пафосом любви и сострадания к людям, призывая читателя к нравственной ответственности за все, что происходит в мире.

Аннотация: Макалада белгилүү поляк жазуучу З. Налковскаянын очерктеринин цикли каралат. Гуманист жазуучу фашисттик концентрациялык лагерлер турмушунун реалияларына байланышкан трагедиялуу окуялардын катышуучуларынын, аларды өз көзү менен көргөн адамдардын күбөлөрүнө таянып, согуштун экстремалдык шарттагы адамгерчилик менен адамгерчиликсиздин чеги тууралуу ой жүгүртүүдө. З. Налковская очерктер жыйнагында документализмди баяндоонун көркөмдүүлүгү жана бийик гумандуулугу менен таланттуу түрдө айкалыштырууда. Очерктердин сюжеттик-композициялык түзүлүшүн, образдардын системасын, идеялык мазмунун талдоосу экинчи дүйнөлүк согуштун бул эстелигинин тарыхый жана нравалык-эстетикалык шексиз баалуулугу тууралуу корутунду чыгарууга мүмкүнчүлүк берет. З. Налковскаянын очерктеринин цикли мээримдүүлүк жана боорукердик пафосу менен белгиленип, окурмандарды дүйнөдө болуп жаткандын баардыгына нравалык жооптуу болуусуна чакырат.

Abstract: The article discusses a series of feature stories by the famous Polish writer Z. Nalkovskaya. Being guided by attestations of eyewitnesses, direct and indirect participants of the tragic events connected mainly with life realities in fascist's concentration camps, the humanist writer reflects over a side of humanity and inhumanity in extreme conditions of war. The author talentedly combines documentary with artistic presentation and the pathos of high humanity. The analysis of the plot-compositional structure, the system of heroes, the ideological content of the cycle allows us to conclude that the historical and moral-aesthetic value of this monument of the second world war's epoch is undeniable. The cycle of feature stories of Z. Nalkovskaya "Medallions" is noted by pathos of love and compassion to people, it is calling the reader for moral responsibility for everything that occurs in the world.

Ключевые слова: цикл очерков, мемуарное свидетельство, фашизм, концлагерь, драматизм, гуманные ценности

Урунттуу сөздөр: очерктердин цикли, мемуардык кубөлүк, фашизм, концлагерь, драматизм, гумандуу баалуулуктар.

Key words: cycle of essays, memoirs, fascism, concentration camp, drama, human values.

Зофья Налковская, известная польская писательница, романистка и рассказчица, пережила немецко-фашистскую оккупацию Польши в Варшаве, а после войны участвовала в работе Международной комиссии по расследованию гитлеровских злодеяний. Итогом ее работы явился потрясающий цикл из восьми очерков «Медальоны» (1946). Известный польский критик Казимеж Выка отмечал: «Скромная по замыслу книга Зофьи Налковской <...> оказалась столь поразительным литературным фактом, что вынуждает критика сначала остыть от впечатления: какая это великолепная книга! Несколько десятков страниц скупой прозы, такой точной и сжатой, словно она извлечена из-под пресса всех ужасов лагерной жизни» [Цит. по: 1, с. 12].

Писатель-гуманист, основываясь на свидетельствах очевидцев тех страшных лет, размышляет над гранью человечности и бесчеловечности в экстремальных условиях войны. Ее книга не беспощадный суд, а гуманная попытка понять всех – и палачей, и жертв, ответить на вопрос, почему «люди людям уготовили эту судьбу»? [1, с. 413]. Книга З. Налковской связывает прошлое с настоящим. Социальные, философские, нравственные проблемы, к которым обращается писатель в своих очерках, не теряют своей актуальности и в наше время. З. Налковская, на наш взгляд, талантливо совмещает публицистичность, мемуарное свидетельство с художественностью изложения. Наша задача акцентировать внимание прежде всего на гуманных ценностях: на добрых движениях души главных и эпизодических персонажей очерков, так как именно эти движения, на наш взгляд, придают произведению мощный гуманно воспитывающий смысл.

Цикл открывается очерком «Профессор Шпаннер». Автор-повествователь, сопровождаемый двумя пожилыми коллегами беглого профессора Шпаннера, видит в подвале страшное зрелище: триста пятьдесят трупов, два огромных чана, наполненных головами, механизмы по обработке трупов и утилизации человеческого материала. «Мыловарня» нацистского профессора Шпаннера описана с натуралистическими подробностями, на которых автор статьи не будет останавливаться (автор статьи рекомендует читателям, заинтересованным в прочтении этого и других очерков книги «Медальоны», обратиться к ресурсам Интернета, где книга находится в свободном доступе. – Д. К.).

В очерке «Профессор Шпаннер» важен образ дающего показания худого, бледного молодого поляка, который добровольно согласился работать на мыловарне Шпаннера. Они с матерью пользовались человеческим мылом, поскольку оно хорошо мылилось. «Известное дело, немцы, они из всего могут сделать конфетку...» [1, с. 420], – снисходительно улыбаясь, говорит он комиссии. На вопрос: «Неужели вам никто не говорил, что варить мыло из человеческого жира – преступление?» – молодой человек, как отмечает автор, искренне отвечает: «Этого мне никто никогда не говорил» [1, с. 419]. Выходит, понятие о любви к ближнему молодой человек не усвоил ни от родителей, ни от кого-либо еще. Однако, ответив на вопрос, он задумывается и отвечает не сразу. Видно, как в его душе началась какая-то работа.

Пленные коллеги профессора Шпаннера на допросе растеряны и отвечают по-разному «на вопрос, могли ли они, зная Шпаннера по его научной деятельности, допустить, что он способен варить из людей мыло» [1, с. 421]. Один долго раздумывал и допустил: «Шпаннер мог выполнить такой приказ. Ведь всем известно, что у него было партийное взыскание» [Там же]. То есть Шпаннеру, по мнению этого коллеги, необходимо было реабилитироваться перед

партией. Другой тоже допускает такую возможность: «<...> С жирами у нас тогда было очень плохо. Экономическое положение в стране тяжелое. Во имя процветания государства он мог пойти на это» [Там же]. Но обоим не приходит в голову по-человечески отреагировать на ужасающий факт деятельности их профессора. Они ищут логичные объяснения его поступку, тем самым оправдывая его.

Смысл очерка глубок: государство гибнет тогда, когда гибнет душа человека. Коллеги Шпаннера и молодой поляк уже изначально, вне политики, идеологии, были негуманны. Поэтому им в голову не могло прийти, что вся система нацизма бессовестна и бесчеловечна по своей сути и профессор Шпаннер со своими коллегами – ее послушные винтики.

В очерке «Дно» перед читателем предстает седая красивая полная женщина с усталым лицом, прошедшая такие испытания, что она уже «ни от кого ничего не требует. Ей хочется только, чтобы люди были к ней чуть добрее, ведь она сама прошла через многое, и дети у нее погибли в лагерях» [1, с. 422].

Женщина вспоминает ужасы женского концлагеря Равенсбрюк, издевательства нацистов, медицинские опыты над заключенными. И только при воспоминании о человеческой доброте рассказчица оживает. Одно событие особенно врезалось ей в память. Ее вместе с другими узницами переправляли в вагоне для скота в Равенсбрюк. В набитых битком вагонах умирали десятки людей. «И тут мы завывали нечеловеческими голосами – воды, воды! Вагон запломбированный, жара, мы все мокрые от пота, черные от пыли, одежда провоняла, ноги в кале. Вот мы и завывали, как звери» [1, с. 426]. Вопль узниц услышал немецкий офицер из соседнего состава с ранеными солдатами. «Боже, как он испугался! Глаза вытаращил, руки растопырил. Очумел от страха.

Ну, потом спросил, не говорит ли кто по-немецки или по-французски. Таких было много. Он велел принести воды и выпустить нас из вагона, чтобы мы привели себя в порядок, и тут же приказал открыть остальные вагоны, а там везли мужчин. Боже, что там было. Женщин везли полторы тысячи, а мужчин четыре тысячи с лишним. И в каждом вагоне тридцать – сорок мертвецов. Умерли потому, что им воздуха не хватало» [Там же]. Так простая человеческая доброта пронзает сердце и героини, и автора-повествователя, и читателя.

Хотя рассказчица выжила, она испытывает грусть и чувство вины, поскольку не запомнила имена нескольких сошедших с ума женщин из ее состава, которых расстреляли в первый же день по прибытии в Равенсбрюк: «Может, их теперь кто разыскивает, ждет, как я жду своих детей. А я вот не могу даже вспомнить, кто они» [1, с. 427]. В те страшные дни даже немец испугался, увидев несчастных узниц, говорит рассказчица. Что же говорить, о слабых женщинах, многие из которых не выдержали.

В очерке «На кладбище» автор-повествователь слушает рассказы кладбищенской работницы, квартира которой находится рядом со стеной гетто. Она не могла спокойно жить, слыша ночами плач и крики убиваемых людей. «Ведь это же люди, жалко их» [1, с. 431], – добавляет она. Слезы набегают на ее глаза, когда она вспоминает, как отчаявшиеся жители гетто безуспешно пытались спастись: падали из окон по отдельности, падали вместе с детьми, разбивались.

Очерк завершается авторским отступлением: «Действительность еще можно вынести, когда она известна нам не полностью. Когда мы судим о ней лишь по ничтожной крупице событий, узнаем из вторых рук. Мы слышали о том, как люди толпами покорно шли навстречу смерти. О том, как они бросались в огонь, прыгали в пропасть. Знаем, но мы далеко,

мы – по эту сторону...» [1, с. 432]. Рассказчица как бы выпадает из реальности: в ней не могут ужиться события, свидетелем которых она явилась, с рассказами об этих событиях из вторых рук.

Героиня рассказа «У железнодорожной насыпи» – одна из умерших женщин, о которой рассказывает очевидец. Однажды ночью узнице удалось выпрыгнуть из вагона, который вез их в лагерь смерти. Охранник вагона ранил ее в колено. Все ее попутчики, в том числе муж, погибли: разбились или были убиты. Деревенские жители заметили ее, но никто не осмелился помочь: вид женщины явно выдавал в ней еврейку, к тому же беглую узницу.

Но проявления гуманности имеют место и в этой трагической истории. Какой-то парень, «местный фронт» [1, с. 436], купил женщине по ее просьбе водки, сигарет, а сердобольная старушка осмелилась вложить ей в руки кружку с молоком и хлеб. Когда из города пришли полицейские, женщина попросила их застрелить её, но они не решились и ушли.

Местные жители обсуждают ситуацию: они, конечно, помогли бы женщине, окажись она в лесу. Но на открытом пространстве люди не смеют подвергать свою жизнь опасности. Пришедшим в очередной раз полицейским женщина повторяет свою просьбу застрелить ее. Полицейские колеблются, тогда на это решается парень, покупавший для женщины водку и сигареты. Он застрелил женщину из револьвера, который ему дал полицейский.

Люди, наблюдавшие эту сцену, «казалось, были огорчены»: «–Уж лучше бы вызвали кого, чем так, как собаку...» [Там же]. Но важна реакция рассказчика-очевидца, он недоумевает: «– Никак не пойму, почему молодой человек в нее выстрелил <...> Вроде бы он один-то ее и жалел» [1, с. 437]. Возможно, парень действительно убил женщину из жалости, поскольку выхода все равно не было, а главное, потому что она сама умоляла застрелить ее. Автор предоставляет право читателю задуматься о мере человечности в этой трагической жизненной ситуации.

В очерке «Двойра Зелёная» автор-повествователь беседует с одинокой 35-летней женщиной, пережившей концлагерь, потерявшей мужа и всех родных, лишившейся глаза и зубов. Она караулит квартиру, моет полы. По словам Двойры, хозяйева квартиры «все хорошие, но это не семья» [1, с. 439].

Из всех жильцов дома Двойры выжила только она одна. Откуда же у нее нашлись силы жить дальше? «Ни мужа, ни семьи у меня не было, одна я была на белом свете, и все равно мне хотелось жить. Глаза я лишилась, мерзла, голодала, но хотела жить. Зачем? Чтобы рассказать обо всем так, как я вам сейчас говорю. Пусть мир знает о том, что они делали» [1, с. 441]. Эта цитата является ярким примером того, что человек не упал духом, не озлобился, не замкнулся в себе. Двойра хочет помочь людям, рассказав им о том, что видела и выстрадала. Читатель соприкасается здесь с высотой человеческого духа.

Искренняя, простая, драматичная и беззлобная исповедь героини-рассказчицы Двойры является отражением ее по-детски доверчивой, нежной, хрупкой души. Но эта душа в критические моменты жизни может становиться твердой, не сгибаясь под грузом испытанных ужасов.

Примечателен эпизод исповеди Двойры, в котором она рассказывает о казни заключенной, пытавшейся бежать из Майданека. Тысячи людей согнали на казнь. Осужденная «стояла спокойная, совсем спокойная, эсесовец спросил, чего она хочет перед смертью. А она говорит: "Ничего не хочу, скорей кончай". Двадцать лет ей было. Слабенькая была, тоненькая, как былиночка. И были у нее два брата тут, в лагере. Они потом сами повесились» [1, с. 442]. Эта сцена исполнена невероятного драматизма, что подчеркивается обыденной, повседневной, сказовой манерой речи героини. За этими

словами кроется глубина переживания Двойры. В свете ее безыскусного рассказа особенно ярко вырисовывается вся бесчеловечность фашизма.

История Двойры завершается словами: «Обрадовались ли мы, когда пришли русские? Очень обрадовались. Ведь мы больше не были за проволокой, мы были на свободе. Мы обрадовались, но ничего сказать не могли.

Она вздохнула.

– Сил не было» [1, с. 443].

На проявление радости сил не было, но, может, именно благодаря приходу добрых людей и нашлись у Двойры силы поделиться автором, а значит, и с нами своей жизнью.

Обращает на себя внимание тон исповеди Двойры. Эпичность, объективированность очерка соседствует с эмоциональными раздумьями, с попыткой осмысления героиней по ходу рассказа важнейших, особо напряженных и драматичных событий. Все повествование Двойры пронизано гуманным мироощущением.

В очерке «Виза» автор-повествователь беседует в гостинице с бывшей узницей концлагеря. Она «ни о чем не просит, ничего ей не нужно. Не нужны ей, в частности, и деньги. Свое пособие она тоже хочет как можно скорее отдать тому, кто нуждается больше, чем она. Если не насовсем, то хотя бы на хранение. Так ненавистны ей деньги» [1, с. 444]. Лагерь ее не озлобил. Она признается: «– Я вообще никому не желаю зла» [1, с. 445]. Она осознала, что важнее всего, важнее материальных ценностей – доброта к человеку.

Важна еще одна гуманная черта души рассказчицы – интерес к чужим судьбам. В этом отношении показателен драматичный эпизод из лагерной жизни рассказчицы. Пока в бараках наводили порядок, эсэсовки приказывали всем узницам, в том числе больным и умирающим, идти на визу, то есть на большой луг у опушки леса, где они должны были стоять весь день без еды и работы. Рассказчице не было страшно, поскольку она знала, что умрет. В тяжелые минуты она прибегала к молитве: «О себе она может сказать только одно: когда ее били, она молилась. Молилась, чтобы не чувствовать ненависти» [1, с. 446]. В критический момент человек молился, спасал душу от ненависти, озлобления, что является еще одной важной чертой его гуманной души. Очерк отразил торжество гуманных начал в душе человека и силу веры, в том числе религиозной, позволяющей человеку не впасть в пучину ненависти.

Очерк «У человека сил много» представляет собой очередное воспоминание человека, пережившего ужасы фашистской оккупации. Рассказчик, некто Михаил П., «молодой, атлетического сложения человек с маленькой головой» [1, с. 449] вспоминает об ужасных днях в лагере уничтожения Хелмно и в Жуховском лесу, где работал могильщиком. Михаил П. стал свидетелем уничтожения сотен и тысяч людей.

Страшен один из эпизодов его воспоминаний. Однажды машина из Хелмно привезла трупы удушенных газом людей, среди которых были трупы его жены и детей – семилетнего мальчика и четырехлетней девочки. Михаил П. лег на труп жены и попросил пристрелить его. Однако немцы его не убили, поскольку у Михаила П. оставалось еще достаточно сил для тяжелых работ в лагере. Этот эпизод в очерке представляется самым напряженным и ярким по своему эмоциональному накалу. Человек любит своих близких настолько, что готов даже расстаться с жизнью. И даже в такой тяжелой ситуации находится место человеческой доброте. Рассказчик вспоминает: «В тот вечер в подвале двое повесились. Я тоже хотел повеситься, но нашелся человек, верующий, который меня остановил» [1, с. 452].

Михаилу П. удалось бежать: он выскочил из машины, в которой его и других работников под конвоем везли через лес. «Добрался до деревни, залез в сарай, зарылся в

сено. Рано утром слышу – мужики за стеной говорят, что немцы ищут в деревне еврея. Я два дня просидел без воды и без пищи, а потом потихоньку выбрался из сарая и заглянул в дом к незнакомому человеку, фамилии его я не знаю. Он меня накормил, дал фуражку, побрил, чтобы я выглядел нормально» [Там же], – так завершает Михаил П. свой рассказ. В этом эпизоде опять обращает на себя внимание проявление неизбывной, неистребимой, вечной человеческой доброты.

Завершается книга очерком «Взрослые и дети в Освенциме», который представляется самым важным с точки зрения постановки важнейших общечеловеческих проблем. Это своего рода кульминация нравственного чувства писателя, связывающего страшные уроки прошлого с современностью.

З. Налковская начинает очерк словами о том, что фашистская фабрика смерти, помимо ужаса, вызывает у человека удивление перед тем, с какой четкостью, методичностью, планомерностью, «на научной основе», уничтожались тысячи и тысячи людей. «Пепел от костей шел на удобрение, жир – на мыло, кожа – на изготовление кожаных изделий, человеческие волосы – на матрацы, но все это было лишь побочным продуктом огромного государственного предприятия, в течение многих лет приносившего неисчислимую прибыль» [1, с. 454]. Экономический фактор вторичен. Страшнее фактор идеологический, связанный с теорией «расового уничтожения» [Там же].

Писатель повторяет эпиграф, предпосланный «Медальонам»: «Люди людям уготовили эту судьбу» [1, с. 455], который здесь обретает особый смысл. Одни – каратели, несчастные люди, поправшие идеалы гуманности или не ведающие о них. Другие – жертвы, люди, сохранившие человеческое лицо, сберегшие душу. На первый план З. Налковская выдвигает доброе начало души людей, «много лет томившихся в концлагерях и уцелевших, вопреки всякой надежде. Среди них были ученые, врачи, политики – словом, люди, которыми вправе гордиться любая нация <...>

Эти люди ставили перед собой задачу помогать другим, хотя сами каждый день глядели в глаза смерти и наравне с остальными заключенными прошли через все виды мучений. Очень много для спасения своих братьев сделали врачи из заключенных, знания которых оказались нужными и в лагере» [1, с. 455–456]. Эти люди, подобные бессмертному Янушу Корчаку, навсегда остаются вечным примером высочайшей гуманности, как, например, доктор Грабчинский из Кракова, заботившийся о здоровье узников и спасавший их по мере сил от газовой камеры.

Как же так получается, что «те, кто своими руками осуществлял этот искусный план грабежа и убийств, тоже принадлежали к человеческому роду?» [1, с. 456]. Трудно понять, что «людьми были и те, кто из любви к искусству перевыполнял нормы, убивая больше, чем было приказано» [Там же]. Автор упоминает нескольких палачей Освенцима, их изощренные методы убийства, пытаясь постичь причины садистических наклонностей этих, самых несчастных по общечеловеческому гуманному счету, людей. «Все эти люди, – пишет З. Налковская, – имели возможность, но вовсе не обязаны были делать всего того, что они делали. Но, очевидно, было предпринято все, чтобы высвободить таящиеся в подсознании человека темные силы, которые, если бы их не будоражить, никогда бы и не пробудились» [1, с. 457].

Завершается очерк фактами страшной участи детей в Освенциме. Все они знали, что обречены на смерть. «<...> В газовые камеры посылали самых маленьких, еще не пригодных для работы. Во время селекции дети по очереди становились под металлическую линейку, укрепленную на высоте одного метра двадцати сантиметров от земли. Понимая

важность минуты, малыши, приближаясь к линейке, выпрямлялись, поднимались на цыпочки, чтобы коснуться головой линейки и тем самым спасти себе жизнь» [Там же].

Фашисты отобрали для ликвидации около шестисот детей, поселив их во временном бараке. Дети разбегались, пытались спрятаться, «но эсэсовцы снова сгоняли их в барак. Уже издали слышны были крик и плач:

– Не хотим идти на газ! Мы хотим жить!» [1, с. 458].

Но доброта человеческая неизбывна. Так, лагерный доктор прятал у себя двух совершенно голых, окоченевших на морозе мальчиков – двенадцати и четырнадцати лет. Верный доктору человек в крематории «при учете трупов приписал два лишних. Подвергая свою жизнь смертельному риску, доктор прятал мальчиков до тех пор, пока они, не вызывая ни у кого подозрений, снова смогли вернуться в лагерь» [Там же].

Еще один, завершающий очерк факт, свидетельствует, до какой степени жестокость взрослых искалечила души детей: «Доктор Эпштейн, профессор из Праги, в ясное летнее утро, проходя между бараками в Освенциме, увидел двух маленьких детей, пока еще живых. Они сидели на песке, у дороги, и передвигали какие-то щепки. Он остановился и спросил:

– Во что вы играете, дети?

И услышал ответ:

– Мы сжигаем евреев» [Там же].

Для чего З. Налковская привела в конце книги очерков «Медальоны» это пронзительное свидетельство доктора? Видимо, для того, чтобы современные люди поняли всю меру ответственности перед детьми, перед будущим: насколько легко можно травмировать ранимые детские души и как их нужно беречь.

Из цикла очерков З. Налковской мы, несомненно, выносим уроки доброты, любви к человеку. Казимеж Выка назвал их самым ценным в художественном отношении и потрясающим совесть документом, «который наше послевоенное творчество противопоставило ужасам войны» [Цит. по: 1, с. 12].

Автор книги испытывает глубокую любовь и уважение к людям, которые в нечеловеческих условиях сохранили человечность, доброту. Книга Зофьи Налковской «Медальоны» полна любви и сострадания к людям и напоминает нам о нравственной ответственности за все происходящее в мире.

Список цитируемых источников:

1. Налковская З. Избранное / Предисл. Я. Станюкович. – М., 1979.
2. Налковская З. Граница / Вступит. ст. Я. Станюковича. – М., 1960.
3. История польской литературы: В 2-т. Т. 2. – М., 1969.

Рецензент: Койчув Б.Т – доктор филологических наук, профессор КРСУ.
